

УДК 811.161.1'28

М. В. Боброва

ФРАЗЕОФАНТОМЫ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

Статья связана с одним из направлений лингвистического источниковедения — лексикографической критикой. Проанализированы особенности подачи фразеологизмов в диалектных словарях Пермского края, выявлены наиболее частотные причины ошибок в отражении устойчивых оборотов, рассмотрены различные типы фразеологических фантомов, или фразеофантомов, псевдофразеологизмов (заголовочные, грамматические, семантические), их виды. Обозначены способы преодоления ошибок в диалектной фразеографии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пермские говоры; диалектная фразеография; лексикографическая критика; фразеологический фантом.

К настоящему времени как особое направление сложилась лексикографическая критика, связанная с обнаружением фантомных (мнимых / призрачных / темных / ложных) лексических единиц, их анализом, предупреждением их возникновения в лексикографических трудах, разработана актуальная терминология лексикографической критики (см. труды И. Г. Добродомова, А. Ф. Журавлева, В. В. Шаповала). Мы имеем непосредственное отношение к лексикографированию и неоднократно сталкивались с проблемами, которые поднимаются указанными авторами. Наш многолетний опыт работы с региональной фразеологией позволяет углубить разработки и поставить вопрос об уместности критики диалектной фразеографии, выделить определенные типы и виды фразеологических фантомов (фразеофантомов, псевдофразеологизмов).

Мы отталкивались от определения, данного на базе литературных источников В. П. Жуковым, которым под «фразеологическим фантомом» предлагается понимать «воспроизводимые словосочетания (сочетания слов), по некоторым формальным признакам напоминающие фразеологизмы, но в действительности ими не являющиеся» [Жуков, с. 58].

На основе диалектных фразеофантомов нами разработана следующая классификация:

- 1) Заголовочные фразеофантомы, обнаруживающие: 1) нарушения норм орфографии; 2) смешение аналогичных фразеологичных и нефразеологичных оборотов речи; 3) ложное наделение идиоматичностью и/или воспроизводимостью в речи; 4) неоправданное расширение оборотов до фразеологических за счет включения стержневых слов в словосочетания; 5) неверное определение компонентов ФЕ; 6) неверное членение компонентов конструкции; 7) неправильное прочтение рукописных материалов (смешение рукописных знаков).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 12-34-01043а1, 14-04-00437а1).

2. Грамматические фразеофантомы, обнаруживающие: 1) несоответствие грамматической формы толкуемого фразеологизма и толкования; 2) неверное определение грамматического статуса оборота (в частности, неразличение фразеологизмов и наречных конструкций); 3) неразличение частиц *не* и *ни*.

3. Семантические фразеофантомы, обнаруживающие: 1) толкование, не соответствующее, а иногда противоречащее смыслу ФЕ; 2) следование за прямым значением или формой входящих в ФЕ компонентов; 3) сужение / расширение дефиниций; 4) неразличение прямых / образных (метафорических) номинаций.

Рассмотрим указанные типы и виды псевдофразеологизмов, привлекая данные современной пермской лексикографии, главным образом фразеологические единицы (ФЕ) тематической группы «Говорение»: «Фразеологический словарь пермских говоров» (авт.-сост. К. Н. Прокошева), «Словарь пермских говоров», «Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь)», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словарь русских говоров Южного Прикамья», «Словарь русских говоров севера Пермского края» (вып. 1), «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья». Помимо этого, используем рукопись второго выпуска (Г–Ж) и картотеку находящегося в работе «Словаря русских говоров севера Пермского края», частично опубликованные нами в виде материалов к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края» [см.: Боброва (Богачева); Богачева, 2010]. В незначительной степени материалы описаны ранее в статьях [Боброва; Богачева, 2002; 2007].

Наш опыт сбора и обработки материалов диалектологических экспедиций, описания диалектной лексики в словарных статьях для «Акчимского словаря» и «Словаря русских говоров севера Пермского края» требует согласиться со всем, сказанным критиками отечественной лексикографии. И именно поэтому, вместе с тем осознавая степень собственного несовершенства, мы берем на себя смелость выступить с критикой теперь уже обширной диалектной лексикографии Пермского края. Фактически в публикации отражен личный опыт автора в деле совершенствования собственной лексикографической практики.

В результате работы со словарями можно говорить о следующих особенностях лексикографических материалов. Во-первых, несмотря на обширность сведений, накопленных к настоящему времени, нельзя утверждать, что они полны. Сокровищница народной афористики практически неисчерпаема. Это подтверждает каждая новая диалектологическая экспедиция и каждый новый диалектный справочник. В то же время ни один из них, будь то словарь одной деревни или «Словарь русских народных говоров», не застрахован от появления фантомов, уже в силу того, что составители с охотничьим азартом ищут (и находят) что-то «свежее», не зафиксированное ранее. При этом работа обычно ведется десятилетиями, или одним автором, но спорадически, или разными авторами, но на основе разных принципов. В конечном итоге, как пошутил один лексикограф, «любой словарь — это, прежде всего, словарь его картотеки», а другой дополнил: «И его составителей».

Во-вторых, научная ценность лексикографических данных в значительной степени зависит от компетентности лексикографа, его, так сказать, личного отношения

к работе, индивидуальных особенностей, предпочтений. Опыт показывает, что нередко уровень подготовленности составителей словарных статей недостаточен и, скажем больше, невысок. Иногда они демонстрируют свою невнимательность, небрежность, субъективность и др. Прежде всего это касается тех случаев, когда к формированию картотеки и написанию словарных статей привлекают недостаточно подготовленных студентов. Так, например, в процессе работы над «Акчимским словарем»¹ студентка выделила ФЕ *сухая воблочка* в контексте: «Во мордочка! Сбежалася, как сухая воблочка»² (позднее было решено, что оборот не отвечает критериям идиоматичности и воспроизводимости, а значит, должен быть исключен из корпуса словаря) — и, будучи по-современному высокой и сухопарой, приписала ему значение ‘о стройной, худощавой женщине’, совершенно упустив из виду представления о женской красоте в традиционной русской культуре.

Обозначенная проблема связана, в частности, с решением одного из наиболее спорных вопросов отечественной фразеологии — о включении в корпус идиомов предложно-падежных конструкций. В. П. Жуков указывает на них как на одну из групп фразеологических фантомов в словарях литературного языка. Исследователь предлагает противопоставлять обороты типа *без шуток, без обиняков, без умолку* и т. п. оборотам *в доску, на ять, до упаду* и т. п., различая их по степени идиоматичности (единицы первого ряда таким признаком не обладают) [Жуков, с. 58].

В словарях пермских говоров весьма многочисленны примеры подобного рода, которые заставляют усомниться в правомерности подачи их как устойчивых оборотов. И этот факт усугубляется тем, что лексические данные нередко дублируются в пределах одного словаря с разным написанием (вновь упомянем в этой связи В. П. Жукова, который подчеркивает тенденцию неидиоматичных предложно-адъективных образований к адвербиализации, ср. наречия *впустую, вслепую, напрямую* и др.). Характерно, что в пермских диалектных словарях по этой причине мы обнаруживаем «вариативность» возникновения фантомов и даже их своего рода удвоение, в ряде случаев — множественную ошибочность (орфографическую, грамматическую, лексическую, семантическую). Ср. на примере наречий: *в тихушку* ‘скромно, тихо’: «Я нонче в тихушку справила день рожденья, никого не звала» — *втихушу, втихушку* ‘украдкой, тайком’: «За им не углядишь, он втихушу бутылочку купит и пьёт»; «Мама прятала сушёную малину, а мы её втихушку таскали с полочки»; «Хоть как уж ты втихушу идёшь, все равно заметят»; *в яву* ‘наяву’: «Тут одной бабушке смерть в яву казалася — как баба» — *вьяву* ‘наяву’: «Сын-от третий год нету, а как вьяву его вижу» [см.: СРГЮП, вып. 1]³. Как следствие, одни и те же лексеммы занимают в алфавитном списке разные места и, помимо этого, некоторые поданы с неидентичными дефинициями.

¹ Из этических соображений мы не намеревались давать в публикации прямые ссылки на источники, однако отказались от этого принципа из соображений ценности научной истины и во избежание обвинений в голословности и неверифицируемости данных.

² Цитаты приведены и написание лексем сохранено в соответствии с источниками — данными словарей, их рукописей, картотек.

³ Ограниченными объемами статьи, мы вынужденно минимизировали количество примеров.

Критерии выбора написания аналогичных форм и подачи их либо как наречий, либо как ФЕ часто остаются неочевидными; написание может не только не отвечать общепринятым нормам орфографии, но и различаться в пределах одного словаря, ср., например, весьма неполный перечень примеров (с указанием частеречной отнесенности единиц в источниках): 1) наречия: *в мах* ‘внезапно’, *в обрат* ‘снова’, *в тай* ‘в тайне’ — *вперёд* ‘вначале, сперва’, *враз* ‘мгновенно’, *вусмерть* ‘очень сильно’ [см.: СРГЮП, вып. 1]; 2) наречия и ФЕ: наречия *вплоть* ‘вплотную’, *вповаль* ‘вповалку’, *впритруть* ‘вплотную’, *всугонь* ‘вдогонку, вслед’ — ФЕ *в безгодь* ‘очень пьяный’; наречия *вразбросе* ‘в разных местах, порознь’, *вровне* ‘вровень, наравне’ — ФЕ *в разделе* ‘отдельно’, *в прожитке* ‘бедно’, *в просаке* ‘в неловком положении’, *в сиротстве* ‘в бедности’, *в тяге* ‘в состоянии беременности’; наречия *вдвнно* ‘много, в большом количестве’, *взатяг* ‘надолго’ — ФЕ *в проход* ‘беспрерывно, постоянно’; наречия *взголовах* ‘под головой, в изголовье’, *вчастых* ‘часто’ — ФЕ *во вторых* ‘со второй беременностью’, *в поблатах* ‘по знакомству’, *в родах* ‘в роду’, *в середках* ‘между двумя лицами или предметами; посередине’; 3) предлог и ФЕ: предлог *вряд* ‘рядом’ («Дочь-то *вряд* с нами живет; Садись вот *вряд* со мной») — ФЕ *в ряд* ‘рядом’ («Старуха-то здорова, в ряд-то котора живёт. Вон опять по губы улетела; *В ряд* с этим домом сестра моя живёт. *Я в ряд* с ней жила») [см.: СПГ].

И наиболее дисгармонично разное написание лексем и ФЕ, помещаемых в одной словарной статье, нетождественное толкование и / или подача тождественных единиц: наречия *в та́пор*, *в ту́ пор* ‘тогда, в ту пору’ — наречия *втепоры́*, *втупоры́* ‘тогда, в ту пору, в то время’ [см.: СРГЮП, вып. 1]; наречие *в запя́тки* ‘вдогонку’ [СРГЮП, вып. 1, с. 97] (из *в-за пятки*) — ФЕ *за подр ки* ‘под руки’ [СРГКПО, с. 190] (из *за-под руки*); ФЕ *в березки* (в *березку*) ‘на кладбище’ — ФЕ *в берёзки* *ухать* ‘умереть’; ФЕ *в отделе*, *в отходе*, *в разделе* ‘отдельно’ — ФЕ *в расходе* ‘не в родительском доме’ [см.: СПГ].

Достаточно яркий пример обнаруживаем при сравнении предлога (?) *подвид* ‘в виде’ («Счас безобразие, Бог будет за это наказывать, убивать. Бескуражность сейчас — грабят, убивают, насилуют. Когда вторая тысяча кончится, будет подвид потопа») [СРГЮП, вып. 2, с. 355] — и ФЕ *на вид* ‘на всеобщее обозрение’ («На второй день сразу же надо им на вид нас. Сразу гости тут, солома на полу разбросана, деньги бросали. Деньги заставляют молодуху собирать») [СРГЮП, вып. 1, с. 122–123]. Полагаем, *под вид* также требует раздельного написания и толкования ‘наподобие’ во избежание омонимичности лексеме *подвид* ‘разновидность’ (ср. также: СРНГ, вып. 27, с. 322); *на вид*, выступающее в эллиптической конструкции (столь характерной для живой народной речи), некорректно расценивается как устойчивый оборот.

Безусловно, отсутствие единообразия подходов к однотипному материалу создает большие неудобства при работе со словарями, затрудняет поиск необходимых сведений.

Обнаруженные расхождения мы рассматриваем как толчок к решению назревших вопросов, в частности вопроса о статусе приведенных в качестве примера единиц, поскольку периферийное положение и разная степень устойчивости ФЕ

осложняет поиски непротиворечивых интерпретаций. Мы не склонны к излишне расширительному подходу к материалам и, в целях повышения точности выводов, принимаем во внимание особенности функционирования языковых единиц, т. к. проблема выходит за рамки лексико-фразеологической и приобретает грамматический, стилистический, логический характер.

По нашему мнению, следует игнорировать предложно-падежные конструкции наречного типа, выполняющие функцию обстоятельства (ср. *без ведомства* 'без уведомления или согласия' [СПГ, вып. 1, с. 81], *в суверезку* 'всерьез' [СРГКПО, с. 232], *на подпорках* 'на корточках' [СПГ, вып. 2, с. 129], *с дича́* 'по глупости; не подумав' [СПГ, вып. 1, с. 217], и т. п., поданные на *ведомство*, *дума*, *суверезка*, *подпорки*, *дичь* соответственно), более того, считаем необходимым в этих случаях корректировать написание — в соответствии с правописанием наречий (*всуверёзку*, *сдича́* — слитно, *без ведомства*, *без думы*, *на подпорках* — раздельно). Рассматривать в качестве ФЕ следует такие единицы, которые способны функционировать в качестве части сказуемого в определительно-характеризующем значении или быть дуплексивом при глаголах с семантикой движения (ср.: *быть в худых душа́х* 'сильно болеть, быть при смерти' [СРГСПК, вып. 1, с. 178] — и *у слова* 'о частой повторяемости какого-либо слова для выражения его важности и значимости' [КСРГСПК]; *ни вести ни павести* (*ни вести ни памяти*) 'нет никаких известий' [Прокошева, с. 45] — и *ни голосу* 'всё, молчок' [Там же, с. 87]) (см. подробнее [Бакланова]).

Приведем также в качестве примера оборот *на зубы*, при котором в источнике дана дефиниция 'в спор, в пререкания' с опорой на контекст: «Девоч послали работать, а они с начальством на зубы — не будем, говорит, мы вам не подчиняемся» [СПГ, вып. 1, с. 334]. Вероятно, данная конструкция является эллиптической, на что указывает фиксация аналогичных, но глагольных оборотов: *брать (взять) за зубы* 'заставлять что-либо делать' [СПГ, вып. 1, с. 55; Прокошева, с. 31], *брать (взять) зубом* 'добиваться от кого-либо требуемого криком, угрозами' [СПГ, вып. 1, с. 55; Прокошева, с. 31]. Однако ср. также: *на голы зубы* 'для пропитания при крайней нужде', 'так, чтобы только не умереть с голоду' (в источниках — 'только для пропитания' [СПГ, вып. 1, с. 334], 'чтобы утолить голод' [Прокошева, с. 141]): «Привезут хека, дак очередь, а мне его и на голы зубы не надо»; «Пензия двадцать рублей, все деньги — на голы зубы, а еще ведь гуньку каку-то надо покупать». Данные условия позволяют увидеть здесь устойчивый оборот *на зубы (с кем)* со значением 'начать спорить, пререкаться'.

Актуально решение вопроса о подаче компаративных единиц, включающих союз *как*. По нашему мнению, при выделении фразеологизмов-сравнений необходимо проводить особую процедуру. Она предполагает оценку сравнительных оборотов, претендующих на фразеологичность, с пяти позиций: 1) воспроизводимость (для диалектных материалов — свидетельства носителей говора, а также частотность фиксаций, разнообразие территориального распространения), 2) синтаксическая роль (для фразеологизмов-сравнений — способность быть частью именного сказуемого и передавать определительно-характеризующее значение (значение состояния) при именных членах высказывания либо быть

дуплексивом и выражать обстоятельственно-определяющее значение при глаголах с семантикой движения и изменения положения тела в пространстве) [см.: Бакланова]; 3) идиоматичность; 4) образность (метафоричность); 5) целостность логической структуры (в устойчивых сочетаниях воспроизводима обычно только так называемая сравнительная часть, включающая образ сравнения, а предмет, подвергающийся сравнению, и основание сравнения в нее не входят: «Свободная компаративная конструкция — средство выражения восприятия, а устойчивое сравнение — средство выражения представления» [Огольцева]) [подробнее об этом см.: Боброва].

В пермских словарях находим, например: *как амборцы* ‘заунывно’ [Прокошева, с. 14], ‘не в лад, заунывно’ [СПГ, вып. 1, с. 10]: «Вы письни сроду не умеете петь, поете как амборцы, когда они баржу тянут»; *как немтырь* ‘невнятно, непонятно’ [Там же, с. 590]: «Что ты, как немтырь, говоришь?! Скажи толково»; *как няра (нярганья)* [Прокошева, с. 240], *как няра* ‘плаксивый’ [СПГ, вып. 1, с. 605]: «Ходит стонет, как няра: одно болит, друго болит»; *как силье* ‘о жестких, прямых волосах’: «Были бы кудрявы да легки, а то как силье, твердые, как у лошаде» [Прокошева, с. 336]; *фамильный чай* ‘о жидкости, по цвету напоминающей чай’: «Вода-то хорошая, по цвету токо красная, как чай фамильной» [Там же, с. 412]; *как чикошня* ‘болтливый’ [Там же, с. 418], *как чикошня* ‘о чрезмерно болтливом человеке’ [СПГ, вып. 2, с. 531]: «Ей ничё нельзя сказать: она как чикошня — всё ростреньгат».

Опора на цитаты из живой народной речи позволяет применить предложенную нами методику и определить статус данных единиц следующим образом. *Как амборцы* — часть ФЕ (или устойчивой конструкции иного рода) *как амборцы, когда они баржу тянут* со значением ‘заунывно, тоскливо’. *Как немтырь* — сравнительный оборот (*немтырь* — ‘заика’ [СПГ, вып. 1, с. 590], ‘человек, лишенный способности говорить’, ‘о ребенке-мальчике, который еще не начал говорить’, ‘о неразговорчивом человеке’ [АС, вып. 3, с. 71]); обнаруживаем, что к этому же мнению пришли составители «Словаря русских говоров Южного Прикамья» [СРГЮП, вып. 2, с. 181]. *Как няра (нярганья)* — ФЕ со значением ‘кто-либо постоянно жалуется, донимает нытьем’ (периферийная конструкция, поскольку центральный компонент поддерживается существованием лексем *няргать* ‘хныкать, плакать, плакать’ [СПГ, вып. 1, с. 605], ‘негромко, назойливо плакать, ныть’, *няргун* ‘о ребенке, который много «няргает»’ и др. [АС, вып. 3, с. 86], *няргуша* ‘плакса’, а также *нямгать* ‘длительно, назойливо плакать, капризничать’ [СРГЮП, вып. 2, с. 196] и др.). *Как силье* — сравнительная конструкция, здесь выступающая в роли именного сказуемого (*силье* — ‘волосы из гривы и хвоста лошадей’ [СПГ, вып. 2, с. 335], ‘волосы конского хвоста и гривы’: «Волосы твердые, как силлэ лошадиные» [АС, вып. 5, с. 77]). *Как чай фамильный* — сравнительный оборот, включающий ФЕ *фамильный чай*. *Как чикошня (чикошня?)* — ФЕ со значением ‘кто-либо болтлив, не умеет хранить секреты’ (периферийная конструкция, поскольку центральный компонент поддерживается существованием большого словообразовательного гнезда: *чикоша* ‘тот, кто много и быстро говорит’, *чикотня* ‘непрерывный или часто повторяющийся треск, шум; трескотня’ [СПГ, вып. 2, с. 531], *чектать, чекотать*

‘много и быстро говорить’, *чекуша* ‘словоохотливая женщина; болтушка’ [Там же, с. 525], *чихуша* ‘легкий удар, шлепок, затрещина’ [АС, вып. 6, с. 196–198], *чеканутый* ‘психически нездоровый’, *чекманить* ‘бить, ударять’, *чекмарь* ‘инструмент для битья печи’, *чикалить* ‘сбивать щелчками’, *чикан* ‘игра монетами типа орлянки’, *чиканить* ‘петь’ [СРГЮП, вып. 3, с. 343, 360] и мн. др.).

Отмечаются обороты, регулярно воспроизводимые в речи и выделяемые как ФЕ, но лишённые идиоматичности, ср. *кислый обабок* ‘подберезовик, раскисший от дождя или от старости’: «Кислы обабки я не беру: ни на чё они негодны» [Прокошева, с. 240] (но ср. *кислый* ‘мягкий, разбухший’ [СПГ, вып. 1, с. 390]); *большой палец* ‘двусоставный крайний палец руки и ноги’, *мизинный палец* ‘мизинец’ [АС, вып. 4, с. 7–8], *указательный палец* [АС, вып. 6, с. 283] (но свободное сочетание *средний палец* [АС, вып. 5, с. 218]) и т. п.

Отмечаются случаи неоправданного расширения наречных конструкций до фразеологических за счёт включения стержневых глаголов, ср.: *в сердцах сойтись* ‘по любви’: «Катюшеньку каждую ночь провожал паренёк молодой, познакомились и в сердцах сошлись, и решили друг друга любить» [СРГЮП, вып. 3, с. 148] (контекст заставляет выделить наречное сочетание *в сердцах* с указанным значением).

Встречаются фактические несоответствия при подаче материала. Иногда не совпадают заголовочное слово словарной статьи и реальные компоненты оборота, ср. *турай*, при котором подана ФЕ *тураева мельница* [Прокошева, с. 383]. В иных случаях не соотнесены приписываемая начальная форма и узальное употребление словесного комплекса (неверно указаны компоненты ФЕ); например, в словарной статье *сквозь зубы* (*зубки*) ‘тихо, невнятно’, ‘надменно, свысока’ во всех цитатах встречаем *скРозь* [Прокошева, с. 141].

Наибольшие сложности связаны с фразеологическими фантомами типа *за подруки* ‘под руки’: «Меня к жениху-ту двое вывели, за подруки» [СРГКПО, с. 190] (предполагаем здесь присутствие двойного предлога *за-под*)⁴. В большинстве таких случаев фиксация единична, и лишь необычная форма может натолкнуть на мысль об ошибочности записи мнимых ФЕ подобного рода.

Случайно — при этимологизации ойконима *Пахнина* — был выявлен ещё один факт. В ходе специальной работы по реконструкции лексики прошлых эпох на базе имен собственных⁵ на основе указанного онима гипотетически была восстановлена производящая основа **пахня*. При определении ее семантики мы могли опираться лишь на сходные по структуре и однокоренные слова, поскольку фиксации тождественной лексемы в исторических, диалектных словарях и словарях литературного языка отсутствуют. Лишь в «Словаре русских народных говоров» зафиксирована идиома *сбить с пахней* в значении ‘сбить с толку’ [СРНГ, вып. 25, с. 291]. С опорой на образования типа *ступня* (< **ступать*), *кleshня* (< **клестить* ‘сдавливать, сжимать’ [Фасмер, т. 2, с. 250]), *головня*, *пятерня* и т. п. можно выделить

⁴ Ср. также наречие *навидече* ‘видно, очевидно’. Опираясь на контекст: «Чё было за его идти? — Навидече ведь было, какой он» [СРГЮП, вып. 2, с. 132], усматриваем ошибочно прочитанное и ошибочно переданное через слитное написание «*На виде* [т. е. на виду] — *чё ведь — было...*».

⁵ Нами защищена кандидатская диссертация: [Богачева, 2003].

далее корень *пах-* и соотнести гипотетическую единицу с лексемами *пах* 'область между бедром и нижней частью живота', *пахóвый* 'прилагательное к *пах*' [СлРЯ, т. 3, с. 34, 35], прозвищем или некалендарным именем *Пахорук* (1678 г.), обнаруженным в пермских памятниках письменности [Полякова, 2010, т. 2, с. 8], лексикой в современных пермских говорах: *пахорукий* 'неловкий', 'имеющий больные или слабые руки', *пахоручка* 'женщина с больными или слабыми руками' [СПГ, вып. 2, с. 80], с севернорусской лексикой по данным XIX в.: *пахорукий* арх., волог. 'не могущий свободно действовать руками, вялый, неповоротливый' [Опыт, с.154], *пахорукой* (насмешливое) 'не владеющий одной рукой; в переносном смысле — неловкий, у кого все из рук валится' [Подвысоцкий, с. 118] (ср. также многочисленные лексемы данного гнезда в СРНГ, имеющие привязку к территориям Русского Севера, Урала, Сибири). Кроме того, присутствующий в слове *пахня* суффикс *-н(я)* преимущественно придает оттенок уничижения, пренебрежения и т. п., ср.: *мальшня*, *солдатня*, *матросня*, *болтовня*, *грызня*, *брехня* и т. п. Это позволяет предположить, что для лексемы *пахня* была характерна аналогичная окраска, и именно по этой причине лексема, ушедшая из говоров, закрепились во фразеологии.

Проведенное исследование привело нас к выводам о том, что реконструированная лексема *пахня* имела севернорусскую природу, функционировала как пейоратив со значением 'нога'. Отсюда вероятное исходное значение идиомы *сбить с пахней* — 'сбить с ног'⁶.

На изложенных основаниях мы посчитали логичным соотнести с полученными данными фразеологизм *сбить (сбивать) с пахтей* 'сбить с толку', который обнаружен во «Фразеологическом словаре пермских говоров» К. Н. Прокошевой [Прокошева, с. 321]. Однако фиксация в словаре требует корректировки: очевидно, что была допущена фактическая ошибка — смешение рукописных знаков, и как *т* было прочитано рукописное *н*.

Привычка доверять тому, что «не вырубить и топором», мешает правильному восприятию подобных контекстов. Вероятно, автор словарной статьи идет вслед за текстом на карточке или в тетради, хотя известно, что к записям от руки надо относиться с осторожностью. Безусловно, для грамотного формирования картотек требуется специальная подготовка сборщика диалектных данных, расшифровщика, переписчика, но, за неимением времени, к этой — черновой — работе нередко привлекают начинающих исследователей (студентов). В итоге появляются мнимые диалектизмы вроде *девкийда* вместо «...дévки да...» (за знак ударения переписчик принял дужку при энклитике в записи сборщика) или «...вóсем спорóф-то [вместо *снопóф-то*] стáвят...» (из картотеки Акчимского словаря).

Рассмотренные диалектные фантомы являются разновидностями «заголовочных», которые можно также разделить на графические и орфографические.

Следующие ФЕ обнаруживают грамматические несоответствия. В отношении таких оборотов предлагаем использовать термин «грамматические фразеофантомы».

⁶ Соответствующая этимология была предложена для фамилии ПАХНИН в [Полякова, 2005, с. 284]).

С критикой грамматической подачи фразеологизмов в диалектных словарях ранее выступала И. А. Кобелева. Фразеограф интересовал грамматический аспект русской диалектной фразеологии. Однако и в этой работе (на наш взгляд, с неизбежностью) прозвучали некоторые критические замечания: в частности, отмечается, что «разрозненная подача видовых разновидностей фразеологических единиц, имеющих в составе глагольный компонент, может в некоторых случаях повлечь за собой и различия в толковании этих единиц» [Кобелева, с. 25], указывается на случаи ошибочного выделения в качестве самостоятельных форм множественного числа именных сочетаний [Там же, с. 27], на примеры несоотнесенности значений совершенного / несовершенного вида, переходности / непереходности, возвратности / невозвратности, личного / безличного значений в глагольных фразеологизмах [Там же, с. 30–32]. Автор справедливо пишет: «Такое оформление глагольно-пропозициональной фразеологии затемняет реальные субъектно-объектные отношения между фразеологизмом и его словесным окружением» [Там же, с. 32].

Замечания И. А. Кобелевой убеждают нас в верности излагаемых здесь построений и в логичности выделения в качестве особого вида грамматических фразеофантомов.

В пермских материалах наблюдается видовое несоответствие глаголов во фразеологизме и в толковании (иногда и при подборе синонимичных глаголов в дефиниции), ср.: *вести перенести (переносить)* '1) известия сообщить; 2) сплетничать', *зубы подать (подавать)* 'дерзко отвечать; грубить', *ответ отдать* 'перечить, дерзить', *переломить косточки* 'злословить о ком-либо' [см.: Прокошева], *оторошить все уши* 'много говорить, надоесть своей болтовней', *проклясть кости* 'ругать, проклинать' [см.: СПГ, вып. 2], *на один метр всех не перемерить* 'то же, что всех на один аршин мерить', *подбирать (подобрать) самого себя* 'следить за своим внешним видом' [см.: АС, вып. 4], и др.

Достаточно частое явление — несоответствие грамматической формы, выбранной для толкования, форме оборота, например: *в разбеге* 'шататься будучи пьяным', *в чувстве* 'быть в сознании', *в разбросе (разброске)* 'о чем-либо разбро-санном, раскиданном', *в сиденке* 'о малоподвижном образе жизни или сидячей работе', ср. также *в требу* 'если есть потребность, желание' [см.: СПГ, вып. 2] и т. п. Причины появления таких фантомов различны: неверное определение грамматического статуса оборота, неверное определение его компонентов (обычно игнорирование важных компонентов типа *быть*), неразличение лексикографами фразеологизмов и наречных конструкций, что нередко поддерживается неверным написанием наречий — раздельным вместо слитного.

К этой же группе грамматических мнимых фразеологизмов относим такие, которые демонстрируют неразличение частиц *не* и *ни*: *не за что не по что* 'ни плохо, ни хорошо', 'без видимой причины', *не к числу не к городу* 'некстати; невпопад', *не на себя не под себя* 'ничего нет; беден', *не пос не молос не знать* 'не соблюдать постов', *не стонуть не нарядить* 'невозможно заставить сделать что-либо по принуждению', *не тусу не губ* 'нет толку' [см.: Прокошева] и т. д., и т. д. (модель крайне частотна).

Полагаем, еканье, столь характерное для живой речи Пермского края, не является основанием для смешения частиц при письменной фиксации ФЕ.

По аналогии с предложенными выше терминами фразеологизмы следующих видов можно назвать «семантическими фразеофантами». Обнаруживаются неточные и просто неверные дефиниции: *наговорить неделю с четвергу* (*с четвергом*) ‘наговорить правду’ («Наговорю я вам тут неделю с четвергу, а вы все запишете»; «Придет, наговорит неделю с четвергом, верьте ему») [СПГ, вып. 1, с. 544], *матька как рябка* ‘много бранных слов’ («Пасут у нас ноне каки-те бабы, дак у их матька-то как рябка») [Прокошева, с. 211], *теплая вода не держится* ‘невозможно сохранить в себе тайны’ («Ей токо и сказала, а вся деревня знает»; «дак ведь у иё тёпла вода не держится») [Там же, с. 52].

Иногда это вызвано следованием за прямым значением или формой входящих в ФЕ компонентов, ср.: *как штык* ‘о всегда исполняющем долг, обязанность’ [СРГКПО, с. 269] (контекст: «Я как штык — как два года, так ребенок» — заставляет усомниться в уместности понятий «долг», «обязанность»; полагаем, необходимо было подчеркнуть не исполнительность человека, а регулярность действий), *рот не раззевается* ‘рот не раскрывается’ [СПГ, вып. 2, с. 264] (в иллюстративном материале так характеризуются речевые затруднения при говорении, пении: «Я старая, у меня уж рот не раззевается на песни»), *в кожу не влазит* ‘отличаться упитанностью, здоровьем’ [Прокошева, с. 51] (положительная оценочность в дефиниции разрушается цитатой: «Первы-те годы жила, дак ручки-ножки по соломинке, а топеря вон че — в кожу не влазишь»; считаем более уместным определение ‘отличаться нездоровой полнотой’), *стакан на лоб* ‘о склонности к опрокидыванию стаканов со спиртным’ [Прокошева, с. 357] (подразумевалась склонность к пьянству: «Мужики нонче пьяницы, мой-от зеть пьёт — токо стакан на лоб, стакан на лоб»). Влияние текста иногда настолько велико, что автор словарной статьи, испытывая воздействие народного бытового узуса, использует для толкования просторечно-диалектную лексику и фразеологию (ср. *душой да телом* ‘без ничего’ [СРГКПО, с. 91], *с три лешего* ‘навряд ли’ [Прокошева, с. 197]).

К сожалению, и мы не избежали ошибок в определении семантики ФЕ: *бить дробы* ‘заниматься счислением дробей’: «Я на печке на дошшэчке дробы бить училась. Я не знаю, почему измена получилась» [Богачева, 2010, с. 161] (в окончательной редакции — ‘танцевать, выстукивая ритм танца ногами’ [СРГСПК, вып. 1, с. 101]), *глядеть из рук* ‘ждать подаяния’: «Нынче я из рук гляжу. Дадут дак её [еду], а не дадут, дак и так» [Богачева, 2010, с. 162] (уточнено: ‘будучи не в состоянии обеспечивать и / или обслуживать себя, находиться в зависимости от кого-либо (обычно от близких)’ [СРГСПК, вып. 2]), *замазывать глаза* ‘упрашивать о чем-либо, подкупать кого-либо’: «Нечё глаза замазывать: даром-то не поедут» [Богачева, 2010, с. 170] (вероятно, более точным было бы дать определение ‘добиваться чего-либо лестью’), *не гóден на табáк* ‘о недостойном человеке’: «Может, он на табак не годеи, жених-от, а захоцет отец — и отдаёт [замуж]!» [Богачева, 2010, с. 162] (исправлено: ‘ни на что не годеи, не способен’ [СРГСПК, вып. 2]).

В ряде случаев в словарях обнаруживается принципиальная неполнота дефиниций, имеющая следствием расширительное / суженное толкование, ср.: *бары разводит* 'разговаривать' [Прокошева, с. 310] (не учтен коннотативный компонент значения), *закрывать молоко* 'навести порчу на корову' [СРГКПО, с. 102] («порча», как известно, может проявляться по-разному, это, по сути, родовое понятие, но внутренняя форма ФЕ подсказывает: в данном случае это определенный ее вид, при котором корова перестает давать молоко), *язык затоптать* 'не начать вовремя говорить по какой-либо причине' [СПГ, вып. 1, с. 312], 'не начать говорить вовремя' [Прокошева, с. 133] (упущено указание на субъекта действия: здесь находим характеристику детей, которые начинают рано ходить; по народным наблюдениям, дети, развитые физически, обычно отстают в развитии речевом). А такой пример: *слово слово родит* 'кто-либо обладает умением говорить' [Прокошева, с. 341], полагаем, наиболее показателен и комментариев не требует, поскольку даром речи владеют за редким исключением все люди, во фразеологизме же подчеркивается высокая степень владения им.

Как видим, нередко в достоверности, точности, обоснованности лексикографического описания заставляет усомниться иллюстративный материал. Не менее часто на размышления наталкивает сопоставительный анализ дефиниций, извлеченных из различных источников (известно, например, что частично совпадают материалы «Словаря пермских говоров», «Фразеологического словаря пермских говоров» К. Н. Прокошевой, «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словаря русских говоров Южного Прикамья»), ср.: *деньги выпевать* 'исполнять величальные песни гостям свадьбы' [СРГКПО, с. 71], 'исполняя свадебные величания, получать от гостей плату' [ЭССТСП, с. 40] и *выпевать* 'заслуживать пением' [СПГ, вып. 1, с. 143]; *держатъ руки покороче* 'не вступать в ссору, драку' [Прокошева, с. 106] и 'предупреждение тому, кто готов кинуться в драку' [СПГ, вып. 1, с. 212]; *золотом одарить* 'отнестись к кому-либо приветливо, доброжелательно' [Прокошева, с. 246] и 'расхвалить' [СПГ, вып. 2, с. 33]; *от семи собак отъестся* кто-либо 'о том, кто не дает никому спуску' [СРГКПО, с. 175], *от семи собак отъестся* 'не дать никому спуску' [Прокошева, с. 258] и 'перекричать кого-либо, отбиться словами' [СПГ, вып. 2, с. 65]; *пялить рот (хайло)* 'кричать, плакать' [Прокошева, с. 308] и *пялить хайло* 'громко кричать, ругаться' [СПГ, вып. 2, с. 253]; *ломать соколов* 'петь свадебные песни' [Там же, с. 486] и *соколов ломать* 'петь свадебные песни за выкуп' [СРГКПО, с. 140]; *страшной бакуль* 'говорун' [Прокошева, с. 16] и шутивно 'об озорном, веселом человеке' [СПГ, вып. 1, с. 17]; *щёлкать набелками* 'говорить без умолку' [Прокошева, с. 428], *щёлкать набелками* 'много и быстро говорить' [СПГ, вып. 2, с. 565], *щёлкать (набилками) набелками* 'говорить много чепухи, ерунды' [СРГЮП, вып. 3, с. 415] (в большинстве случаев ФЕ приведены с идентичными иллюстративными материалами); и т. п.

Регулярно авторами-составителями игнорируется метафоричность оборотов. По традиции, заявленной в «Словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, образные единицы толкуются с использованием шаблонной формулировки

«О человеке...», «О состоянии...» и т. п., в то время как прямым номинациям соответствуют толкования типа «Человек...», «Состояние...» и т. п. Однако в пермских словарях разные способы толкования регулярно смешиваются, ср.: *крапива жалкая* 'о язвительном человеке' [СПГ, вып. 1, с. 433] и 'язвительный человек' [Прокошева, с. 182]; *шубный язык* 'невыразительная речь' [Там же, с. 430], 'невыразительная, неправильная речь' [СПГ, вып. 2, с. 571], 'о дефектной речи, а также о человеке с какими-либо дефектами речи' [АС, вып. 6, с. 260]; ср. также в пределах одного словаря: *крапива жалкая* 'о язвительном человеке' [СПГ, вып. 1, с. 433] и *шубный язык* 'невыразительная, неправильная речь' [СПГ, вып. 2, с. 571].

Рассмотренные факты действительно позволяют развести заголовочные, грамматические и семантические фразеофантомы, а как следствие — уточнить определение термина фразеологический фантом (фразеофантом, псевдофразеологизм): это словосочетание или сочетание слов, ложно выделяемое как устойчивое, либо фразеологизм с ложно определенным грамматическим значением, ошибочно толкуемой семантикой.

Таким образом, диалектные словари Пермского края, несмотря на истинное богатство представленных материалов, к сожалению, не лишены недостатков, в том числе таких, на которые указывалось в работах критиков лексикографии. Исходя из сказанного, в случае необходимости считаем возможным корректировать форму ФЕ и формулировки дефиниций, предложенные составителями словарей, в соответствии с мнением других специалистов, собственным языковым и лексикографическим чутьем и (главное) приведенными в качестве иллюстраций фактами живой народной речи.

Обозначим следующие пути предупреждения и устранения фантомных явлений в диалектной фразеографии.

Мы с неизбежностью приходим к выводу (и даже требованию) с осторожностью обращаться с лексикографическими описаниями, обязательно учитывать фактический (цитатный) материал. Необходима большая внимательность при формировании картотеки и обработке ее материалов, учет особенностей почерков (лексикограф, работающий с рукописными фондами, всегда отчасти почерковед). Требуется опора на максимальное количество источников, главным образом — на диалектные данные соответствующей и сопредельных областей, регионов.

Помимо элементарных знаний по диалектологии для верного выделения ФЕ и их максимально точного толкования требуется тщательный компонентный анализ (семантический и грамматический). Установить набор сем, отражающих наполнение того или иного понятия, выявить особенности грамматического функционирования помогает знание диалектной лексической системы, лексико-семантических и тематических групп, парадигматических и синтагматических отношений в ее пределах, разницы объема понятий (денотатов) в научной и наивной картинах мира и т. д. Это возвращает нас к классическим работам по описанию диалектных систем в различных аспектах. Помимо этого не избежать дополнительной подготовки в области фольклористики, этнографии, истории, географии и т. д., что во многих случаях с успехом решается, благодаря

современным технологиям, а именно благодаря доступу к колоссальным объемам информации в сети Интернет.

Еще один способ преодоления описанных недостатков — выработка шаблонов и единых подходов при отражении в словаре лексического и фразеологического материала. Требуется выявление моделей образования языковых единиц (ср. приведенные выше сопоставительные ряды наречий и ФЕ), определение принципов подачи однотипных слов и ФЕ, разработка типовых дефиниций типа «О состоянии...», «Имитация звуков, издаваемых (производимых)...», «Растение...» и т. п. Идеальна в этом случае подготовка специальной подробнейшей инструкции по сбору материалов, формированию картотеки, поэтапному написанию словарных статей.

Очень перспективно в этом ракурсе воплощение проекта сводного регионального словаря, к созданию которого можно было бы привлечь всех составителей используемых для обобщения источников и (с целью повышения эффективности работы) распределить между участниками проекта обязанности, назначив ответственных за определенные секторы (семантический, синтаксический, фразеологический, этнографический и т. д.) в зависимости от научных интересов. В идеале такой словарь представляется электронным: во-первых, это помогло бы облегчить работу с материалами, которые обычно разрознены по малотиражным изданиям и труднодоступным картотекам находящимся в работе словарей; во-вторых, это принципиально упростило бы научное общение специалистов между собой и с потребителями словаря; в-третьих (а в данном случае главное), это помогло бы учитывать мнение всех специалистов в области диалектной лексикографии и мгновенно реагировать на критику, в максимально сжатые сроки устраняя недочеты. Все это нацелено на достижение единообразия лексикографического описания и на избежание мнимых / призрачных / темных / ложных / фантомных с различных точек зрения лексических и фразеологических единиц.

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) : в 6 вып. Пермь, 1996. Вып. 3; Пермь, 1999. Вып. 4; Пермь, 2003. Вып. 5; Пермь, 2011. Вып. 6. [Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar') : v 6 vup. Perm', 1996. Vup. 3; Perm', 1999. Vup. 4; Perm', 2003. Vup. 5; Perm', 2011. Vup. 6].

Бакланова И. И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Рос. и зарубеж. филология. Пермь, 2011. Вып. 4 (16). С. 27–31. [Baklanova I. I. Frazeologizmy sravneniya v permskikh govorakh // Vestn. Perm. un-ta. Ser.: Ros. i zarubezh. filologiya. Perm', 2011. Vup. 4 (16). S. 27–31].

Боброва М. В. Еще раз о фразеологизмах-сравнениях // Вестн. Перм. ун-та. Сер.: Рос. и зарубеж. филология. Пермь, 2012. Вып. 4 (20). С. 18–26. [Bobrova M. V. Yeshche raz o frazeologizmakh-sravneniyakh // Vestn. Perm. un-ta. Ser.: Ros. i zarubezh. filologiya. Perm', 2012. Vup. 4 (20). S. 18–26].

Боброва (Богачева) М. В. Материалы к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края» II // Лингвокультурное пространство Пермского края : материалы и исследования. Пермь, 2011. Вып. 3. С. 224–239. [Bobrova (Bogacheva) M. V. Materialy k "Frazeologicheskomu slovaryu russkikh govorov severa Permskogo kraja" II // Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja : materialy i issledovaniya. Perm', 2011. Vup. 3. S. 224–239].

Богачева М. В. К вопросу о реконструкции апеллятивов как методе исторической лексикологии // *Изменяющийся языковой мир*. Пермь, 2002. С. 106–112. [Bogacheva M. V. K voprosu o rekonstruktsii apellyativov kak metode istoricheskoy leksikologii // *Izmenyayu-shchiysya yazykovoy mir*. Perm', 2002. S. 106–112].

Богачева М. В. Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2003. 273 с. [Bogacheva M. V. *Rekonstruktsiya russkoj apellyativnoj leksiki na materiale oikonimii Permskoj oblasti* : dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 2003. 273 s.]

Богачева М. В. К вопросу об изучении фразеологии в живой народной речи (лексико-семантическая группа «Говорение») // *Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии : материалы и исследования*. Пермь, 2007. Ч. 2. С. 136–151. [Bogacheva M. V. *K voprosu ob izuchenii frazeologii v zhivoy narodnoy rechi (leksiko-semanticheskaya grupa "Govorenie")* // *Zhivaya rech Permskogo kraja v sinkhronii i diakhronii* : materialy i issledovaniya. Perm', 2007. Ch. 2. S. 136–151].

Богачева М. В. Материалы к «Фразеологическому словарю русских говоров севера Пермского края» // *Лингвокультурное пространство Пермского края : материалы и исследования*. Пермь, 2010. Вып. 2. С. 153–180. [Bogacheva M. V. *Materialy k "Frazeologicheskomu slovaryu russkikh govorov severa Permskogo kraja"* // *Lingvokul'turnoe prostranstvo Permskogo kraja* : materialy i issledovaniya. Perm', 2010. Vyp. 2. S. 153–180].

Жуков А. В. Фразеологические фантомы в русском языке // *Вестн. Новгород. гос. ун-та*. 2009. № 51. С. 57–60. [Zhukov A. V. *Frazeologicheskie fantomy v russkom yazyke* // *Vestn. Novgorod. gos. un-ta*. 2009. № 51. S. 57–60].

Кобелева И. А. Русская диалектная фразеография: грамматический аспект (на материале словарей говоров Русского Севера). СПб., 2007. 200 с. [Kobeleva I. A. *Russkaya dialektnaya frazeografiya: grammaticheskiy aspekt (na materiale slovarey govorov Russkogo Severa)*. SPb., 2007. 200 s.].

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края». [Kartoteka "Slovarya russkikh govorov severa Permskogo kraja"].

Огольцева Е. В. Устойчивые компаративные структуры русского языка в концепции профессора Василия Михайловича Огольцева [Электронный ресурс]. URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=77847> (дата обращения: 05.10.2012). [Ogol'tseva E. V. *Ustoychivye komparativnye struktury russkogo yazyka v kontseptsii professora Vasiliya Mikhaylovicha Ogol'tseva* [Elektronnyj resurs] URL: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=77847> (data obrashcheniya: 05.10.2012)].

Опыт – Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852. [Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya. SPb., 1852].

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. [Podvysotskiy A. *Slovar' oblastnogo archangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii*. SPb., 1885].

Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников письменности XVI – начала XVIII века : в 2 т. Пермь, 2010. Т. 2. П–Я. [Polyakova E. N. *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov pis'mennosti XVI – nachala XVIII veka* : v 2 t. Perm', 2010. T. 2. P–Ya].

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь, 2005. [Polyakova E. N. *Slovar' permskikh family*. Perm', 2005].

Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. [Prokosheva K. N. *Frazeologicheskiy slovar' permskikh govorov*. Perm', 2002].

СлРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. Т. 3. [Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1984. T. 3].

СПГ – Словарь пермских говоров : в 2 вып. Пермь, 2000. Вып. 1; Пермь, 2002. Вып. 2. [Slovar' permskikh govorov : v 2 vyp. Perm', 2000. Vyp. 1; Perm', 2002. Vyp. 2].

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь, 2006. [Slovar' russkikh govorov Komi-Permyatskogo okruga. Perm', 2006].

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В; Вып. 2. Г–Ж. (В рукописи). [Slovar' russkikh govorov severa Permskogo kraia. Perm', 2011. Vyp. 1. A–V; Vyp. 2. G–Zh. (V rukopisi)].

СРГЮП – Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н. и др. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010. Вып. I; Пермь, 2012а. Вып. II; Пермь, 2012б. Вып. III. [Podyukov I. A., Pozdeeva S. M., Svalova E. N. i dr. Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikamiya. Perm, 2010. Vyp. I; Perm', 2012. Vyp. II; Perm', 2012. Vyp. III].

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1990. Вып. 25; СПб., 1992. Вып. 27. [Slovar' russkikh narodnykh govorov. L., 1990. Vyp. 25; SPb., 1992. Vyp. 27].

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 4-е изд., стер. М., 2003. Т. 2. [Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka : v 4 t. 4-e izd., ster. M., 2003. T. 2].

ЭССТСП – Подюков И. А., Хоробрых С. В., Антипов Д. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь, 2004. [Podyukov I. A., Khorobrykh S. V., Antipova D. A. Etnolingvisticheskiy slovar' svadebnoy terminologii Severnogo Prikamiya. Usoliye ; Solikamsk ; Berezniki ; Perm', 2004].

Статья поступила в редакцию 08.02.2014 г.